

«ХОР КО ПРЕВРАТНОМУ СВЕТУ» И ЕГО АВТОР

П. Н. Берков

1

Среди памятников художественной литературы середины XVIII в. «Хор ко превратному свету» занимает исключительное место. Живой, энергичный отклик на все важнейшие стороны общественной жизни той эпохи, — крепостное право, женский вопрос, национальное воспитание, старинное правосудие и т. д., и т. д., — «Хор ко превратному свету» давно уже вошел в сознание историков русской литературы и культуры как одно из центральных произведений А. П. Сумарокова. «Полное собрание всех сочинений» А. П. Сумарокова, изданное Н. И. Новиковым (изд. 1-е—1781; изд. 2-е—1787), указывает, что «Хор ко превратному свету» или точнее «Другой хор ко превратному свету» (изд. 2-е, т. VIII, стр. 339—342) входил в состав «Хоров к большому маскараду, бывшему в Москве в 1763 году». Естественно было бы рассматривать этот «Другой хор ко превратному свету» в окружении всех прочих хоров и в связи с тем маскарадом, на котором он исполнялся; это, однако, не делалось, и он всегда рассматривался обособленно. Следует указать, что при сопоставлении прочих произведений Сумарокова с «Другим хором» возникали некоторые недоумения. Правда, ничего резко противоречащего остальным произведениям Сумарокова «Другой хор» на первый взгляд не заключает, и можно было бы каждую мысль «Хора» найти в той или иной форме в других сочинениях Сумарокова, но в целом он производит значительно более сильное впечатление. Достаточно указать, что через 80 лет, при Николае I, он не мог быть напечатан полностью. В особенности останавливают внимание известные строки «Хора»:

Со крестьян там кожи не сдирают,
Деревень на карты там не ставят,
За морем людьми не торгуют.

В этих стихах обычно усматривается только протест против злоупотреблений крепостным правом, но, по существу, это протест и против каких бы то ни было форм торговли людьми, т. е. против самого института крепостного права. В самом деле, признание права владения деревнями и их крепостным населением включает в себя признание права всяческого распоряжения владеемым, вплоть до продажи и даже проигрыша в карты. Сумароков же, как известно, всячески отстаивал за дворянами право владения как землей, так и крепостными. В известной, главным образом, в выдержках записке, поданной им 28 ноября 1767 г. в Императорское вольное экономическое общество, в ответ на предложенную последним задачу: «Что полезнее для общества, чтоб крестьянин имел в собственности землю, или токмо движимое имение, и сколь далеко его права на то или другое имение простирались должны?» Сумароков писал следующее:

«Задача ради решения: что полезнее обществу, чтобы крестьянин имел собственным имением пожитки ли одни, или и земли, до изъяснения решена быть не может; напр., когда спросится: потребно ли дворянину уметь писать по русски; так должно примолвить: российскому дворянину, ибо дворянин английский может обойтись без русской грамоты; так и о крестьянах; свободному ли крестьянину, или крепостному; а прежде надобно спросить: потребна ли ради общего благоденствия крепостным людям свобода? На это я скажу: потребна ли канарейке, забавляющей меня, вольность, или потребна клетка, — и потребна ли стерегущей мой дом собаке цепь. — Канарейке лучше без клетки, а собаке без цепи. Однако, одна улетит, а другая будет грызть людей: так одно потребно для крестьянина, а другое ради дворянина; теперь осталось решить, что потребнее для общего блаженства; а потом ежели вольность крестьянина лучше укрепления, надобно уже решить задачу объявленную [т. е. предложенную Вольным экономическим обществом]. На сие все скажут общества сыны, да и рабы общества сами, что из двух худ лутчее, не имети крестьянам земли собственной; да и нельзя, ибо земли все собственные дворянские; так еще спрос: должны ли дворяне крестьянам отдавать купленные, жалованные, наследственные и прочие земли, когда они не хотят, и могут ли в России землями владеть крестьяне; ибо то право дворян. Чтож дворянин будет тогда, когда мужики и земля будут не ево; а ему что останется. Впрочем, свобода крестьянская не токмо обществу вредна,

но и пагубна, а почему пагубна, того и толковать не надлежит».¹

Таким образом, Сумароков все свои возражения Вольному экономическому обществу делает, исходя из положения, что владеть землями в России есть исключительное право дворян. В другой своей записке, относящейся к тому же времени, к 1766 г., Сумароков делал аналогичные замечания на «Наказ» Екатерины II. Он отмечает, что есть различие между понятиями «раб» (т. е., привязанный к господину) и «крепостной» (т. е., привязанный к земле),² подчеркивает, что в России крестьяне крепостные, а не рабы.

Исходя из интересов дворян, Сумароков утверждает, что «сделать русских крепостных людей вольными нельзя». «Продавать людей, как скотину, — говорит он — не должно; но где слуг брать, когда крестьяне будут вольны?»³ Ему представляется совершенно недопустимой возможность подобного распорядка, так как опыт показывает, насколько неудобны слуги, происходящие из не знавшей в то время крепостного права Украины: «Малороссийской подлой народ, — заключает Сумароков, — от сей воли почти несносен» (там же).

Итак, официальные записки Сумарокова гораздо определеннее и последовательнее характеризуют его взгляды на право помещика владеть землей и прикрепленными к ней крестьянами; он восстает не против продажи крестьян вообще, а против продажи их без земли («как скотину»); против превращения «кре-

¹ Холнев, А. П. История имп. вольного экономического общества с 1765 до 1865 года, СПб., 1865, стр. 24—25.

² В особом мнении о екатерининском Наказе Сумароков в разделе V писал по поводу XI главы Наказа, между прочим, следующее: «Между крепостным и невольником разность: один привязан к земле, а другой к помещику» (Сб. Русск. ист. общ., т. X, стр. 84). В цитируемом источнике явная опечатка, так как эти слова набраны курсивом, которым воспроизводились при публикации этого текста пометки Екатерины. Несомненно Екатерина привадежит последняя строка текста: «Как то сказать можно, отверзайте очи». Дело в том, что в Наказе (изд. 1767, русский текст параллельно с немецким, особенно стр. 81—84) «крепостной» Екатерина понимает безразлично как *Slave* (раб, невольник) и *Leibeigener* (крепостной).

³ Сб. Русск. ист. общ., т. X, стр. 85—86. Ср. Русский архив, 1870, № 2, стр. 288—291, приписываемые Сумарокову возражения относительно освобождения крепостных. Указание Л. Н. Майкова (там же), что на этом мнении имеется нашись: голос Сумарокова, надо понимать в том смысле, что в этой записке слышен «голос Сумарокова».

постных» в «рабов», так как считает их не «рабами» «сынов общества» (дворян), а «рабами самого общества».

Принципиально иной характер имеют приведенные строки из «Другого хора ко превратному свету»:

За морем людьми не торгуют.

В них, как уже сказано, заключается полное отрицание возможности продажи людей в какой бы то ни было форме, а не только, «как скотину». Эта мысль в условиях 50-х—60-х годов XVIII в. никак не могла исходить из уст последовательного и убежденного крепостника. Она могла принадлежать только сторонникам развития промышленности, для которой нужны были свободные крестьянские руки.¹

Сумароков же, наоборот, всячески возражал против развития русской промышленности, в особенности дворянской. В статье «О домостроительстве» он спрашивает: «Почему ж называют тех жадных помещиков Економами, .. коих мануфактуры и протчие вымыслы крестьян отягощают». И далее в той же статье он пишет: «В моде ныне суконные заводы; но полезны ли они земледелию? Не только суконные дворянские заводы, но и сами Лионские шелковые ткани по мнению отличных рассматривателей Франции меньше земледелия обогащения приносят. А Россия паче всего на земледелие уповати должна, имея пространные поля, а по пространству земли не весьма довольно поселян, хотя в некоторых местах и со излишеством многонародна. Тамо полезны заводы, где мало земли и много крестьян. Но чтобы заводы и крестьянам, а не одному помещику доходны были, и были бы крестьяня работники, а не кагоржники».² Еще определеннее высказывается Сумароков по тому же поводу в замечаниях на екатерининский «Наказ»: «Дворянам не быть ни купцами, ни заводчиками; мещанам не имети чинов; крестьянам не быть купцами: от противного сему происходит всех сих трех классов замешательство и вред общего благополучия, ради участного [т. е. личного] беззаконного блага».³ Зная твердость позиции Сумарокова в этом вопросе, можно без натяжки утверждать, что возражения его против продажи крестьян, как скотины, имеют в виду, главным образом, продажу их владельцам промыш-

¹ Ср. В. И. Семевский. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века, СПб., 1888, т. I, стр. 35—37.

² Полн. собр. соч., изд. 2, т. X, стр. 158—159, 161.

³ Сб. Русск. ист. общ., т. X, стр. 86.

шленных предприятий, рекрутировавшимся тогда преимущественно из придворной знати (Шуваловы, Воронцовы и др.).

Наконец, представляется крайне удивительным то обстоятельство, что свою мысль о вреде промышленности Сумароков в «Другом хоре» обобщил совершенно, останавливаясь, вместе с тем, на других, менее важных моментах социальной жизни эпохи. От Сумарокова этого нельзя было ожидать. Это последнее обстоятельство, вместе с различием позиции в вопросе о продаже крестьян, заставляет усомниться в принадлежности «Хора» Сумарокову. Тем более, что для этого есть и другие основания.

2

Выше было отмечено, что, по указанию Н. И. Новикова, издателя сочинений А. П. Сумарокова, «Другой хор ко превратному свету» находился среди «Хоров к большому маскараду, бывшему в Москве, в 1763 году». На самом деле, это не отвечает действительности. Как известно, маскарад 1763 г. имел печатное описание в виде брошюры: «Торжествующая Минерва общенародное зрелище, представленное большим маскарадом в Москве 1763 года Генваря дня. Печатано при Императорском Московском Университете» (24 нен. стр.). Издание это является единственным документальным источником сведений о маскараде 1763 г. и об исполненных на нем хорах. В виду этого представляется необходимым дать некоторое представление о брошюре «Торжествующая Минерва».¹ Предварительно нужно отметить,

¹ В 1850 г. эта брошюра была перепечатана С. П. Шевыревым в «Москвитяине», ч. V, № 19, кн. I, стр. 109—128, с очень незначительным комментарием; вторично — без комментариев «Торжествующая Минерва» была перепечатана библиофилом А. Е. Бурцевым в его «Дополнительном описании библиографическо-редких, художественно-замечательных книг и драгоценных рукописей», СПб., 1899, т. VI, стр. 193—225, № 1122; описание брошюры дано Н. В. Губерти в его «Материалах для русской библиографии. Хронологическое обозрение редких и замечательных русских книг XVIII столетия», М., 1878, вып. I, стр. 188—199. — Ср. также: Битовт, Ю. Редкие русские книги и летучие издания XVIII века. М. 1905, стр. 277 (№ 1482) (здесь указана и более ранняя библиографическая и библиофильская литература о «Торжествующей Минерве»); Бурцев, А. Е. Словарь редких книг и гравированных портретов, СПб., 1906, т. VII, стр. 58—59 (№ 3128). Одни только хоры были перепечатаны М. Д. Чулковым в «Собрании разных песен», СПб., 1773, ч. III, прибавлено, стр. 1—7; ср. соч. М. Д. Чулкова, под ред. П. К. Симони, СПб., 1913, стр. 727—733. — См. также Пыляев, М. И. Старое житье, изд. 2-е, М., 1897, стр. 137—145 «Эпоха рыцарских каруселей и аллегорических маскарадов в России».

что это издание относится к типу театральных программ и поэтому сохранилось в очень незначительном числе экземпляров, причем и сохранившиеся не все полны и порядок расположения материалов не во всех одинаков. Нижеприводимое описание дается по экземпляру Института книги, документа, письма Академии Наук (ИКДП), принадлежавшем ранее, как видно по exlibris'у, библиотеке князя Воронцова. Сперва, до титульного листа, идет афишка следующего содержания:

«Сего месяца 30 и февраля 1 и 2, то есть, в четверток, субботу и воскресенье по улицам большей Немецкой, по обоим Басманным, по Мясницкой и Покровке от 10 часов утра за полдни, будет ездить большая маскарад, названная Торжествующая Минерва, в котором изъяснится гнусность пороков и слава добродетели. По возвращении оного к горам,¹ начнут кататься и на зделанном на то театре представят народу разные игралища, пляски, комедии кукольные, фокус покус и разные телодвижения, станут доставать деньги своим проворством; охотники бегаться на лошадях, и прочее; кто оное видеть желает, могут туда собираться и кататься с гор во всю неделю маслинницы, с утра и до ночи в маске или без маски, кто как похочет всякого звания люди».²

За титульным листом идут Стихи к большому Маскараду М. Хераскова,³ представляющие разъяснения отдельных деталей маскарада. Затем помещено «Описание большого маскарада». Он состоял из следующих групп: провозвестник Маскарада со своею свитою, затем Момус или пересмешник, Бахус, Несогласие,

¹ Имеются в виду так называемые «катальные горы», устроенные в это самое время для развлечения «всякого звания людей». О них см. статью И. Е. Забелина: Катальная Покровская гора (Московские ведомости, 1860. № 82), перепечатанную затем в его «Опытах изучения русских древностей и истории», М., 1873, ч. II, стр. 468—487 (глава в статье «Хроника общественной жизни в Москве с половины XVIII ст.»).

² В одном из двух имеющихся в Гос. Публичной библиотеке (ГПБ) экземпляров «Торжествующей Минервы» (дефектном, шифр 18.330.95/2) текст объявления несколько расходится: в первой строке после слова «месяца» напечатано 28, во второй, после «то есть» — «во вторник». Эти слова зачернены типографской краской, во всем остальном текст совпадает.

³ В экземпляре ГПБ стихи по шисаны так: Сочинения — *; под этими знаками буквы М:Х; т. е. Михаил Херасков. Понимому, аналогичным экземпляром пользовался Я. К. Грот в своем примечании к тому месту «Записок» Г. Р. Державина, где последний упоминает о маскараде 1763 года (Соч., акад. изд., т. VI, стр. 436—437; ср. т. VIII, стр. 70).

за ними Обман, Невежество, Мздоимство, далее Превратной свет, Спесь, Мотовство и Бедность с их свитами, после них Вулкан, Юпитер, Златой век, Парнасс и Мир и, наконец, Минерва и добродетель с их соследователями. Под этим отделом имеется подпись: Изобретение и распоряжение маскарада Ф. Волкова. Последнюю часть брошюры занимают хоры: хор сатир, т. е., сатириков, хор пьяниц, хор к обману, хор невежества, хор ко мздоимству, хор ко превратному свету, хор ко гордости, хор игроков, хор ко златому веку, хор к Парнассу и хор к Минерве. В самом конце книжки, под хором к Минерве напечатано: Только одни хоральные песни в сем маскараде сочинения ***.

Из описания маскарада видно, что идея его и самая организация принадлежали знаменитому актеру Ф. Г. Волкову, который, по преданию, простудился во время этого маскарада и после короткой болезни умер в апреле 1763 г.¹ Повидимому, близким участником работ Волкова по устройству маскарада был М. М. Херасков, вступительные стихи которого показывают, что он был во всех мельчайших деталях знаком с планом и идеей маскарада. Можно предположить, что Херасков принимал участие и в составлении «хоров». За это говорят следующие параллели «Стихов» Хераскова и «Хоров».

Херасков

Хор к обману

1. Мужик, которой став имением доволен,
Он спесью стал козел,
когда б приставить роги...	1. К общу благоденству кто прервет дороги,
Ежели приставить ко лбу только роги,
Он дьяволу пара.
2. Там земледельцы ликовствуют	2. Ликовствуйте здесь!
Ликовствуйте днесь!
3. И зря Астрею на земли
Будь счастья русского свидетель.	3. Подсолнечна внемли:
Астрея на земли.

Сами по себе хоры представляли иллюстрации к аллегорическим частностям и, следовательно, не имели самостоятельного

¹ Едва ли это предание отвечает действительности: последний спектакль на масляной неделе 1763 г. состоялся 2 февраля. Волков принимал в нем участие. Умер он 4 апреля, т. е., через 2 месяца, что нельзя назвать «краткой болезнью».

характера, а лишь пояснительный в отношении отдельных групп маскарада.

Следует отметить, что напечатанный в «Торжествующей Минерве» «Хор ко превратному свету» не сопровождается знаменитым «Другим хором ко превратному свету». Этот последний появляется только в новиковском издании сочинений Сумарокова. Иными словами, во время маскарада он не исполнялся, что совершенно понятно: на общенародном маскараде, среди «всякого звания людей», где должно было быть большое число крепостных, главным образом, дворовых людей, солдат и мелкой городской бедноты, — исполнять «Другой хор ко превратному свету» значило использовать маскарад для агитации против существовавшего строя, а никак не для прославления «Торжествующей Минервы».

Если обратиться к странной фразе, заключающей хоры — «Только одни хоральные песни в сем маскараде сочинения ***», — то, очевидно, под тремя звездочками должно разуметь А. П. Сумарокова, в состав сочинений которого введены были Новиковым эти хоры. Если эти исполнявшиеся на маскараде хоры принадлежали Сумарокову, то, повидимому, и «Другой хор», который был помещен вместе с ними, принадлежал тому же автору, что Новиков мог установить на основании имевшегося у него архива автора «Хорева».¹ Все это так, но представляется крайне странным, что Сумароков скрыл свое авторство в «Торжествующей Минерве» под тремя звездочками. Ни Херасков, ни Волков из своего участия не делали тайны, а, наоборот, заявили о нем в печати. Чем же могло быть вызвано поведение Сумарокова? Г. А. Гуковский высказывает предположение, что причиной тому были плохие отношения его с Екатериной, в особенности в связи с тем, что его «Слово на день коронавания Екатерины II» не позволено было печатать. Но предположение это не основательно: на первых порах Екатерина относилась к Сумарокову, литературному вождю среднего дворянства, исключительно внимательно. Так, 28 августа 1762 г. по ее распоряжению было сооб-

¹ О наличии у Новикова бумаг Сумарокова видно из примечания к повести «Исменей и Исмена»: «Здесь в подлиннике Авторском недостает четырех страниц» (Т. X, стр. 121), и других редакторских примечаний, а также и из объявления о подписке на сочинения Сумарокова; в этом объявлении прямо указывается о наличии у издателя «бумаг» Сумарокова. За последнее указание приношу благодарность Г. А. Гуковскому.

щено в Академию Наук о прощении Сумарокову его старого долга академической типографии и о безденежном печатании впредь всех его изданий.¹ Почти через месяц, 22 сентября 1762 г., в день коронации, Екатерина подписывает указ, где в первом пункте Сумароков производится из бригадиров в действительные статские советники.² На масляной неделе 1763 г. (25 января) в Москве был «кавалерский» спектакль, где высокопоставленные актеры разыграли «Семиру» Сумарокова.³ Из элегии Сумарокова на смерть Ф. Г. Волкова видно, что «Семира» ставилась в это же время и на императорском театре.⁴ Таким образом на пренебрежение или невнимание к себе со стороны Екатерины он жаловаться не мог. Недаром в письме к ней от 4 июля 1769 г. Сумароков писал: «Покойный Волков тому свидетель, что ваше императорское величество возвратили мне Мельпомену и Талию в России при возвращении общенародного спокойствия».⁵

Со своей стороны, Сумароков, после неудачи со «Словом на коронование», которая, очевидно, приходилась на время, предшествовавшее дню коронации, 22 сентября 1762 г., печатает «Оду на день тезоименитства имп. Екатерины II 1762 г.» (доношение его об этом в Академии Наук помечено 24 октября 1762 г.) и «Оду имп. Екатерине II на 1763 г.» (доношение в Академию от 25 ноября 1762 г.).⁶ Таким образом, факты показывают, что у Сумарокова не было оснований скрывать свое авторство в отношении Хоров «Торжествующей Минервы» из-за неудачи со «Словом». Скорее можно предположить, что он был обижен на Екатерину за то, что его не включили ни на какую должность по коронационным торжествам и что украшение триумфальных ворот и сочинение надписей для них было поручено не ему, а М. М. Хераскову, А. А. Ржевскому и И. Ф. Богдановичу.⁷

¹ Семенников, В. П. Материалы для истории русской литературы и словаря писателей эпохи Екатерины II. Пгр., 1915, стр. 93.

² С.-Петербургские ведомости, 1763, № 13 от 14 февраля.

³ Аранов, П. Летопись русского театра. СПб., 1861, стр. 81, прим. 1.; Дризен, Н. В., бар. Материалы к истории русского театра, изд. 2-е, М., 1913, стр. 47. — Ср. Сб. Русск. ист. общ., т. X, стр. 77, 78, 79.

⁴ Сумароков, А. П. Полн. собр. соч., изд. 2-е, т. IX, стр. 77—78.

⁵ Летописи русской литературы и древности, изд. Н. Тихонравовым, М., 1862, ч. IV, отд. III, стр. 30.

⁶ Семенников, назв. соч., стр. 94 и 95; ср. также стр. 108.

⁷ «Описание вшествия в Москву и коронования государыни императрицы Екатерины II» (камер-фурьерские журналы), стр. 255; в «списке

Известно, что пристроил Хераскова в эту комиссию его отчим, кн. Н. Ю. Трубецкой, стоявший во главе работ по организации коронационных торжеств. Зная обидчивость и мнительность Сумарокова, можно было бы допустить, что это обстоятельство могло породить неприязненные отношения между ним и Херасковым. Повидимому, так и было, и примирение между ними состоялось лишь в феврале 1763 г., так как Сумароков принимает в 1763 г. участие в журнале Хераскова «Свободные часы» лишь с № 3, где помещает «Оду М. М. Хераскову». Таким образом сомнительно, чтобы Сумароков, отстраненный от участия в коронационной комиссии, уступивший место в подготовке торжеств Хераскову, мог принять участие в другой комиссии вместе с тем же Херасковым. Во всяком случае, даже если и допустить его участие, все же совершенно непонятным остается, чем вызвано было желание автора остаться анонимным.

Как бы то ни было, анонимность «Хоров к большому маскараду» повлекла за собой ряд недоразумений: авторство их стало приписываться целому ряду лиц.

Так, не считая того, что Н. И. Новиков включил «Хоры» в собрание сочинений Сумарокова, хотя, как показано было выше, есть основания видеть следы участия в них и Хераскова, об их авторе были высказаны следующие предположения:

1. Державин в «Записках», относящихся, правда, к 1811—1813 гг., то есть, через 50 лет после события, говорит, что «тот славный народный маскарад, в котором... осмеялись в стихах и песнях пьяницы, карточные игроки, подьячие и судьи — взяточники и тому подобные порочные люди, — сочинение знаменитого по уму своему актера Федора Григорьевича Волкова и прочих забавных стихотворцев, как-то гг. Сумарокова и Майкова».¹

бывших при комиссии» значится: «Надворный советник и Московского университета член Михайло Херасков, лейб-гвардии подпоручик Алексей Ржевский, армейский прапорщик Ипполит Богданович — инвентовали на триумфальные ворота картины, эмблемы и надписи и были на смотреии над живописцами при работе оных». Ср. там же, стр. 10—11. Резкий отзыв об этой работе Хераскова (и его товарищей) дан Я. Штелиным (П. А. Ефремов. Материалы для истории русской литературы, СПб., 1867, стр. 166—167).

¹ Соч., акад. изд., т. VI, стр. 436; здесь уместно напомнить соответствующий отрывок из 106-го письма А. Болотова, где описывается маскарад 1763 г.: «песни и голоса оных (т. е. «Хоров») так всем полюбились, что долгое время и несколько лет сряду увеселялся ими народ, заставляя вновь

2. П. И. Сумароков, племянник драматурга, ссылаясь на И. А. Дмитриевского, утверждал, что автором «Хоров» был его дядя.¹

3. Анонимный автор статьи «Московский народный маскарад при императрице Екатерине второй в 1763 году», помещенной в первой книжке журнала «Маяк» за 1842 г., ссылаясь как на брошюру «Торжествующая Минерва», так и на рассказы московских старожилов, писал: «Таков был маскарад, изобретенный Волковым и составленный под его распоряжением. Хоры сочинены были отчасти Херасковым, отчасти самим Волковым».²

4. Другой анонимный автор, повидимому, Н. А. или К. А. Полевой в том же 1842 г. поместил в «Русском вестнике» статью «Хор ко превратному свету»,³ в которой с сильными цензурными купюрами приводит текст «Другого хора ко превратному свету», ссылаясь на имеющуюся у некоторого любителя литературы старую рукопись, якобы озаглавленную «Хор ко превратному свету, петый на большом маскараде, на маслянице 1763 года, и сочиненный г-м директором Ф. Г. Волковым» (там же, стр. 25).

5. Наконец, для курьеза можно отметить, что П. Драцов в «Летописи русского театра» (СПб., 1861, стр. 73—74) утверждает, будто описательные стихи к «Торжествующей Минерве» были написаны Сумароковым, а хоры М. М. Херасковым, и что весь маскарад, по поручению Екатерины, был устроен Волковым и Сумароковым, из которых последний «истощил все свое воображение, чтоб выразить в едкой сатире все пороки людей».

Все это привело к тому, что вопрос окончательно запутался, и некоторые осторожные исследователи, напр., В. А. Бильбасов, предпочитали, говоря о «Хорах», не называть их авторов и считать их результатом коллективного творчества.⁴ Другие их пять фабричных, которые употреблены были в помянутые хоры и научены песням оным». (Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков 1738—1793, СПб., 1871, т. II, стр. 390). Популярность «хоров» подтверждается включением их текстов в «Собрание разных песен» М. Чулкова, ч. III, прибавление.

¹ Сумароков, П. Обзорение царствования и свойств Екатерины Великой, СПб., 1832, ч. I, стр. 34.

² Маяк, 1842, т. I. Замечатель, стр. 29 (Цензурное разрешение 30 декабря 1841 г.). Статья эта, повидимому, принадлежавшая перу редактора «Маяка» С. О. Бурачка, была перепечатана в «Ведомостях Московской городской полиции», 1853, № 284, 29 декабря, вторник, стр. 1437—1458.

³ Русский вестник, 1842, т. V, отд. IV, стр. 23—28.

⁴ Бильбасов, В. А. История Екатерины II, СПб., 1891, т. II, стр. 162.

авторы, напр., В. В. Каллаш,¹ В. А. Филиппов,² считали возможным, опираясь на статью в «Русском вестнике», безоговорочно признать автором «Хора ко превратному свету» Ф. Г. Волкова.

Но прочнее всего утвердилось мнение, что автором всех маскарадных «Хоров», в том числе и «Другого хора», был Сумароков. Несомненно, решающим моментом было в данном случае включение «Хоров» в новиковское собрание сочинений Сумарокова. Это обстоятельство могло повлиять на суждения и Державина и Дмитревского, если он действительно говорил именно об этом П. И. Сумарокову, и многих других.

Какие же данные могли быть у Новикова для включения «Хоров» в сочинения Сумарокова? Новиков был в Москве во время коронации, и кроме того мог знать это по традиции, может быть, от самого Сумарокова и т. д. Но все это гадания. Между тем, вообще издание сочинений Сумарокова вызывает много нареканий. Тот же самый П. И. Сумароков упрекает Новикова в том, что последний «собрал по кончине Сумарокова все оставшиеся мелочи, записочки, которые бы автор никогда не издавал в свет, и, составляя, вместо трех-четырёх, десять частей, обезобразил превосходные творения».³ Один из первых исследователей творчества Сумарокова, С. Н. Глинка, книгу которого А. Н. Пыпин называет «последним отголоском панегириков XVIII века»,⁴ особенно подчеркивает, что «сочинения Сумарокова при жизни его были уже искажены различным образом». Глинка указывает, что имело место «неблагонамеренное перепечатывание его, Сумарокова, трагедий», что «неискусные переписчики и наборщики наполняли всякого рода неправильностями и прозу и стихи Сумарокова», что «Н. И. Новиков, в усердной своей торопливости, чтобы скорее украсить именем Екатерины сочинения, сю уважаемые, не успел сообразить всех изданий, и от этой поспешности допустил в полном издании вкратце новым неисправностям».⁵ Глинка, ссылаясь на свидетельство М. М. Хераскова, указывает, что включенные Новиковым в сочи-

¹ Незеленов, А. И. История русской литературы, изд. 18-е, под ред. В. В. Каллаша, М., 1908, стр. 209.

² Филиппов, В. А. Факты и легенды в биографии Ф. Г. Волкова. Голос минувшего, 1913, № 6, стр. 35.

³ Прогулка по 12 губерниям в 1838 г. М., 1839, стр. 302.

⁴ История русской литературы, 4-е изд., СПб., 1911, т. III, стр. 488.

⁵ Очерк жизни и избранные сочинения А. П. Сумарокова, изданные Сергеем Глинкою, СПб., 1841, ч. I, стр. V—VI.

нения Сумарокова «Разговоры в царстве мертвых», ранее напечатанные в «Ежемесячных сочинениях» 1756 г. за подписью А. С., принадлежат А. В. Суворову, а не Сумарокову.¹ Сам Новиков в конце 10-го тома второго издания сочинений Сумарокова (стр. 279) указывает, что в «первом издании сочинений г. Сумарокова ошибкою было внесено в IX часть Письмо к господам издателям Всякия всячины с приобщением надписи к статуе Петра Великого, которая сочинена не им, но неизвестным сочинителем, почему оные в нынешнем издании и выключены». Эти статьи показывают, что отзыв Н. С. Тихонравова о новиковском издании сочинений Сумарокова, как о безобразном,² не преувеличен нисколько. Наоборот, во времена Тихонравова не был известен ряд данных, которые еще более дискредитируют новиковское издание. Во-первых, оно не полно. Пропущены: поздравительные оды в первый день нового года 1740 от кадетского корпуса, сочиненные чрез Александра Сумарокова.³ Затем отсутствует «ругательная эпиграмма», о которой упоминал Ломоносов в 1761 г.⁴ Не включена печатная «Ода имп. Елизавете Петровне в 25 день ноября 1745 года».⁵ В. П. Семенников на основании данных академического архива установил отсутствие в новиковском «Полном собрании» шести напечатанных произведений Сумарокова, из которых только два могли по цензурным причинам не попасть вновь в печать.⁶ Далее, Сопиков указывает еще одно не попавшее в «Полное собрание сочинений» издание, содержащее три произведения нашего автора: это — «Послание А. Сумарокова, писанное им при смерти к одному его другу, и последнее завещание мелким стихотворцам, с приобщением сочиненной им себе надгробной надписи. СПб. 1777» (№ 8541). Наконец, Державин дважды указывал на существование оперы Сумарокова «Пирам и Тизбе»,⁷ также не вошедшей в «Сочине-

¹ Там же, стр. XXXVIII и II.

² Русская старина, 1887, кн., XI, стр. 563.

³ Булич, Н. Н. Сумароков и современная ему критика, СПб., 1854, стр. 17.

⁴ Летописи русской литературы и древности, издав. Н. Тихонравовым, М., 1859, т. II, отд. III, стр. 105.

⁵ Резанов, В. И. Рукописные тексты сочинений А. П. Сумарокова. ИОРЯС, 1904, кн. 3, стр. 41. Ср. ниже, в статье Р. М. Тонковой, прим. на стр. 392—391.

⁶ Материалы для истории русской литературы и для словаря писателей эпохи Екатерины II, Пгр., 1915, стр. 109—117, №№ 13, 14, 28, 51, 55 и 82.

⁷ Державин, акад. изд., т. IV, стр. 581; т. VII, стр. 604. Отсутствуют еще эпиграммы «Ты туфли обругал» (Биллярский, П. Материалы для биографии Ломоносова, СПб., 1865, стр. 322) и др.

ния». Итак, с одной стороны, новиковское издание далеко от полноты. Но не менее очевидно, что среди включенных произведений, в особенности, из числа тех, которые, как сумароковские, фигурируют впервые только в собрании сочинений, имеется не мало принадлежащих не ему. Так, напр., несомненно среди песен довольно большое число принадлежит его дочери.¹ Не менее подозрительны некоторые прозаические произведения.²

Как бы то ни было, на этом фоне неряшливой и неточной редактуры Новикова вполне естественно предположение о бездоказательности включения «Хоров» в «Собрание сочинений» Сумарокова. Уже в 1842 г. анонимный автор цитированной статьи «Русского вестника» указывал, что «рассматривая хоры, в некоторых видим совсем не сумароковскую манеру и не его фактуры стихи» (цит. соч., стр. 25). Действительно, большая часть хоров написана не классическими размерами дворянской поэзии 50-х — начала 60-х годов XVIII в., а тем что называется «народными размерами». Обращение к «Песням» Сумарокова в VIII т. «Сочинений» устанавливает, что только две из них, именно VIII («В роще девки гуляли Калина ли моя, малина ли моя») и XIX («О ты крепкой, крепкой Бендер-град») написаны в том же народном духе. Но если вспомнить сказанное выше об отсутствии непререкаемых оснований для признания принадлежности Сумарокову всех песен, вошедших в «сочинения», то тем самым, оказывается, наличие этих двух песен не может служить

¹ Римский-Корсаков, А. Н. Г. Н. Теплов и его музыкальный сборник «Между делом безделье» (первый русский песенник XVIII в.) — Музыка и музыкальный быт старой России. Academia, Л., 1927, стр. 39, примеч. 1. Ср. также Н. Голицын, кн. Словарь русских писательниц. СПб., 1846, стр. 239. Указание Г. А. Гуковского на то, что названные авторы введены были в заблуждение М. Н. Макаровым, сообщившим об этом факте в одной из своих статей, опровергается тем, что в „Трудолюбивой пчеле“ 1739 есть некоторые произведения Е. А. Сумароковой. А. Палицын в письме к гр. Д. И. Хвостову (1807) указывал, что одну песню П. И. Свистунова Сумароков присвоил (Библиогр. зап., 1859, № 8, стр. 250). Ср. его же „Послание к Привете“, Харьков, 1807 (перепечатано в „Литературном архиве“ П. А. Картавова, СПб., 1902, стр. 8 и 38, второй пагинации).

² Указание в статье «Хор ко превратному свету» (Русский вестник, 1842, т. V, отд. IV, стр. 23), что включенная в «сочинения» „Речь при заложении Кремлевского дворца“, говоренная архитектором Баженовым, включена по ошибке, неправильно. В письме к Екатерине от 20 мая 1773 г. он прямо указывает что «сочинил г. Баженову необходимую речь» (Лет. русск. литературы и древности, т. III, отд. III, стр. 76).

доводом в пользу признания за Сумароковым авторства «Хоров». Конечно, нельзя забывать установленного Н. Л. Бродским важного факта — именно, прекрасного владения Сумароковым «народным» языком.¹ Но все это не может служить неоспоримым доказательством принадлежности ему «Хоров».

Иначе, как будто, обстоит дело с гипотезой об авторстве Ф. Г. Волкова. Но надо с полной ясностью указать, что и в этом случае есть ряд пунктов, вызывающих сомнения. Поэтому прежде, чем перейти к перечислению доводов в пользу волковской гипотезы, не лишне рассмотреть возражения против нее. Собственно, это даже не возражения, а скорее замечания ограничительного характера. Важнейшее из них следующее. Волкова автором «Другого хора» называет только одна рукопись, та, которой пользовался анонимный сотрудник «Русского вестника». И вот, в этой рукописи, — если она правильно воспроизведена в печати, — есть несколько неясностей. Так, в заглавии сказано «Хор ко превратному свету, петый на большом маскараде, на маслянице 1763 года, и сочиненный г-м директором Ф. Г. Волковым» (цит. соч., стр. 25). Из контекста заглавия получается впечатление, что хор был исполнен во время маскарада. Между тем, по тексту «Торжествующей Минервы» видно, что «Другой хор» не был исполнен, так как в первом «Хоре ко превратному свету» есть знаменательная фраза, которая показывает, что сатирическому размаху автора или авторов были поставлены точно очерченные пределы. Вот текст первого «Хора ко превратному свету»:

Пришлыла к нам на берег собака
 Из-за полночнова моря
 Из за холодна океяна,
 Прилетел отголь и соловейка.
 Спрашивали гостью приезжу:
 За морем какие обряды
 Гостья приезжа отвечала:
 Многое хулы там достойно,
 Я бы рассказать то умела,
 Естьли бы сатиры петь я смела.
 А теперь я пети не желаю,
 Только на пороки я полаю:

¹ История стиля русской комедии XVIII века. Искусство, 1923, № 1, стр. 172—184.

Соловей, давай и ты оброки,
 Посвищи заморские пороки. Свист Пр.
 За морем хам, хам, хам, хам, хам, хам. 2
 Хам, хам, хам, хам, за морем, хам, хам, хам. 2
 За морем, хам, хам, хам, хам, хам, хам,
 Хам, хам, хам, хам, за морем, хам, хам, хам.
 За морем, хам, хам, хам, хам, хам, хам,¹

Вот эти-то слова:

Многое хулы там достойно,
 Я бы рассказать то умела,
 Естьли бы сатиры петь я смела;
 А теперь я пети не желаю,
 Только на пороки я полаю, —

Эти слова показывают, что установка «Торжествующей Ми-нервы» была сделана не на широкую социальную сатиру, а на «осмехание пороков», как говорил Державин об этом маскараде. Совершенно очевидно, что «Другой хор» с его всесторонней и яркой сатирой не мог идти вслед за первым, уклончивым и компромиссным «Хором ко превратному свету». Несомненно и то, что подобный хор не мог исполняться публично и по причинам политическим: обстановка первых месяцев царствования Екатерины II была крайне напряженная, ни дворянство, ни купечество, ни крепостное крестьянство не могли быть довольны новым правительственным курсом, еще на первых порах недостаточно определившимся. А «Другой хор» как раз содержал ряд выпадов против дворянства, против крепостного права, против купечества, последнее, правда, очень осторожно. В особенности опасным были упоминания о торговле людьми. Недаром Екатерина напоминала Сумарокову через три года, что крестьяне ежегодно режут своих помещиков.²

Все это вместе взятое говорит за то, что «Другой хор» никак не мог быть исполнен во время маскарада, и название его «Хор, петый на большом маскараде» не внушает доверия. Второе недомыслие состоит в том, что предполагаемый автор, Ф. Г. Волков, назван здесь «г-м директором». Но ни директором театра, ни каким-либо другим директором Ф. Г. Волков не был. Может

¹ Полн. собр. соч., т. VIII, стр. 339.

² Сб. Русск. ист. общ., т. X, стр. 86.

быть, он назван был директором маскарада, но об этом ни документальных, ни свидетельских данных не имеется. Наконец, третье, и, пожалуй, самое важное замечание. Текст «Другого хора» по «Русскому вестнику», если исключить опущенные по цензурным соображениям стихи, полностью совпадает с текстом «Собрание сочинений», за вычетом одного только места, и то такого, которое несомненно искажено было у Новикова. Стихи 7—9 в «Полном собрании» выражены в следующей форме:

Все там превратно на свете:
За морем Сократы добронравны,
Каковых и здесь мы выдаем.¹

Неточность смысла в последнем стихе очевидна: если «все там превратно», то как же могут быть «Сократы там добронравны», «Каковых и здесь мы выдаем»? В тексте «Русского вестника» дается иное чтение:

За морем Сократы добронравны,
Каковых мы здесь не выдаем.

Здесь сатирическая заостренность дана в отчетливой форме. Но возникает вопрос, кому принадлежит это чтение, автору ли статьи в «Русском вестнике», или же оно было в подлинной рукописи? Отсутствие каких бы то ни было других разночтений наталкивает на мысль о том, что рукопись «Русского вестника» идет от «сочинений» Сумарокова, а не наоборот, или как-нибудь в этом роде. Иными словами, что кто-либо из лиц, знавших, что текст, включенный в «хоры, первые на большом маскараде», напечатанные в «Полном собрании сочинений» Сумарокова, принадлежит Волкову, списал его из новиковского издания и лишь снабдил заголовком, поясняющим авторство актера.

Могло ли быть ошибкой приписание Волкову авторства этого хора? Могло, конечно. Но то обстоятельство, что данное сочинение приписывается не крупному писателю, а мелкому, методологически очень важный довод в пользу авторства именно Волкова. Сравнительное текстоведение или сравнительное изучение текстов показывает, что нормальный, естественный путь всяких приурочиваний анонимных произведений идет по линии атрибуции их крупным, а не мелким, литературным деятелям. Наоборот, в подавляющем числе случаев приписание анонимного

¹ Полн. собр. соч., т. VIII, стр. 339.

произведения мелкому автору бывает безошибочным. Таким образом, это не решающий, но очень важный довод в пользу авторства Волкова.

Теперь следует обратиться к вопросу о том, не противоречит ли «Другой хор» как идеологически, так и стилистически тому, что известно о литературной позиции Волкова. Оказывается, с этой стороны никаких несоответствий не имеется. Волкову приписываются две песни: «Ты проходишь мимо кельи, дорогая» и «Станем, братцы, петь старую песню». Сообщает о принадлежности их Волкову Новиков.¹ Конечно, можно усомниться в правильности этого указания Новикова, но обычно всякое утверждение остается в силе пока нет ему противоречивых данных; здесь же как раз таких опорочивающих материалов нет, по крайней мере, в литературе о Волкове они не известны. Поэтому пока можно без опасений считать эти песни волковскими. Самые тексты сейчас установлены и неоднократно переизданы.² Из этих песен особый интерес представляет и стилистически и идеологически вторая, которая, кстати сказать, была включена в первую часть «Собрания разных песен» М. Д. Чулкова (под № 200), и этот-то текст остался вне поля зрения В. В. Калаша. Вот эта песня:

Станем, братцы, петь старую песню,
 Как живали в первом веке люди.
 О златые, золотые веки!
 В вас счастливо жили человеки.
 Землю в части тогда не делили,
 Ни раздоров, ни войны не знали.
 О златые, златые веки и т. д.
 Так, как ныне солнцем все довольны,
 Так довольны были все землею.
 О златые и т. д.
 Злата, меди, серебра с железом
 Не ковали ни в ружье, ни в деньги.
 О златые и т. д.

¹ Опыт исторического словаря, стр. 41; П. А. Ефремов. Материалы д истории русской литературы, СПб., 1867, стр. 25.

² Калаш, В. В. Материалы и заметки по истории русской литературы I—IV. Песни Ф. Г. Волкова. ИОРЯС, 1901, т. VI, кн. 3, стр. 170—17. Незеленов, А. И. История русской литературы, под ред. В. В. Калаш ч. I (много изданий).

Не гордились и не унижались,
Были равны все и благородны.

О златые и т. д.

Все свободны, все были богаты,
Все служили, все повелевали.

О златые и т. д.

Их языком сердце говорило,
И в устах их правда обитала.

О златые и т. д.

На сердцах их был закон написан,
Сам, что хочешь, то желай другому

О златые и т. д.

Страх, почтенье неизвестны были
Лишь любовь их правила сердцами.

О златые и т. д.

Так прямые жили человеки;
Те минули золотые веки!

О златые, золотые веки!

В вас счастливо жили человеки.¹

Приведенная только что «Старая песня» и формально, и идеологически близка к «Другому хору». Можно даже больше сказать, «Старая песня» в своей апологии «первобытного коммунизма» идет дальше «Хора ко превратному свету». Повидимому, вообще Ф. Г. Волков был человеком с определившимся антифеодальным мировоззрением. Таким же антидворянским, на наш взгляд, характером проникнута его единственная сохранившаяся «Эпиграмма», сообщенная Новиковым:

Всадника хвалят: хорош молодец!

Хвалят другие: хорош жеребец!

Полно, не спорьте: и конь и детина,

Оба красивы; да оба скотина!²

¹ Сочинения М. Д. Чулкова, СПб., 1913, ч. I, стр. 238—239.

² Опыт, стр. 44; Ефремов. Материалы, стр. 26. Указание Г. А. Гуковского на неопределенное повторение этой остроты в эпиграммах других авторов (Сумароков, Державин, кн. Гр. Хованский, П. Бахтин — подробнее см. статью Г. А. Гуковского «О русском классицизме» в сборнике «Поэтика», V, стр. 35—36) несколько не меняет сути дела: при суждении о литературном произведении для исследователя важнее социальная функ-

В условиях XVIII в., когда верховая езда была исключительно дворянской бытовой чертой, чуть ли не классовой привилегией, подобная эпитаграмма имела не «юмористический», а конкретно-классовый смысл. С этой антидворянской литературной тенденцией Ф. Г. Волков вполне согласуется и приписываемый ему традицией отказ от предложенного якобы ему Екатериной дворянства за участие в возведении ее на престол. Во всяком случае И. Ф. Горбунов в одной из своих статей указывает, что дело о дворянстве Ф. Г. Волкова в Сенате не закончено.¹ Явилась ли причиною этого смерть Волкова, или его отказ от предложения императрицы, или какие-либо иные основания, сведений не имеется. Каков бы ни был исход дела о дворянстве Волкова, очевидно, что «Старая песня» представляла не случайный момент в его творчестве. Во всяком случае, «Другой хор ко превратному свету» не противоречит «Старой песне» ни в одном пункте.

Если обратиться опять к тексту «Описания большого маскарада» в «Торжествующей Минерве», то оказывается, что все «Хоры» являются не более как иллюстрациями к сценарию, «изобретенному и распоряженному» Волковым. Все те эмблематические и аллегорические элементы, из которых были сконструированы отдельные маскарады, получили в хорах, в особенности в «Другом хоре», лишь стихотворную иллюстративную интерпретацию, не больше. П. О. Морозов утверждает, что «в сочинении программы для этого необычного зрелища сказались не только общее направление того времени, но и личные вкусы составителя: Волков, видимо, был горячим поклонником

дия этого произведения, чем степень оригинальности его. В частности, эпитаграмма Державина на тот же «сюжет» только полтверждает сказанное выше: у него фигурирует не просто всадник, как у Ф. Г. Волкова, а «гостиной сын»; иными словами, это обратное использование готового шаблона.

¹ Горбунов, Иван. Первые русские придворные комедианты. 1. Федор Григорьевич Волков. — Русский вестник, 1892, т. 218, февраль, стр. 288: «В архиве департамента герольдии в реестре в книге решенных дел 1756—1767 гг. № 7 под 7 же номером записано следующее дело: 1762 г. августа 7. Известие, отданное от Сената о пожаловании гардероб-мейстера Василия Шкурина в российские, да Федора и Григория Волковых и кассира Алексея Евреинова в дворяне и о пожаловании их деревнями. На восьми листах. Самого дела в книге нет, а в реестре против выписанной статьи такая отметка: «Здесь не числить. Не решенное. Вынуть оное. Взял в герольдию секретарь Железовский».

Сумарокова и его произведений».¹ Может быть, это и было так, но «горячий поклонник Сумарокова и его произведений» несомненно вкладывал более прогрессивное, антидворянское содержание в те формы, которые он заимствовал от российского Расина.

Все это дает основания видеть в нем автора «Другого хора».

Теперь можно подвести некоторые итоги:

1. Из всех называвшихся авторов «Хоров» — Сумароков, Волков, Херасков, Майков, может быть, члены комиссии по триумфальным воротам, Богданович и Ржевский (см. примечание 7 на стр. 189) — наиболее основательными кандидатами являются первые два.

2. За авторство Сумарокова доводами являются:

- а) включение «Хоров» в собрание его сочинений;
- б) соответствие всех почти пунктов «Хора» со взглядами, высказывавшимися в других его произведениях;
- в) фраза «только одни хоральные песни в сем маскараде сочинения * * *».

3. Против авторства Сумарокова говорит:

- а) различное отношение к крепостному праву;
- б) отсутствие нападок на промышленность;
- в) необычная для Сумарокова в его единоличных выступлениях анонимность;
- г) стилистическая обособленность «Хоров» на общем фоне его творчества;
- д) следы участия Хераскова в сочинении «Хоров».

4. Против авторства Волкова можно сказать:

- а) сомнительность сведений в «Русском вестнике»;
- б) чрезмерно большое внимание в «Другом хоре» к явлениям чисто литературным.

5. За авторство Волкова доводами являются:

- а) приписание произведения мелкому писателю;
- б) стилистическое соответствие «Хора» манере Волкова;

¹ Юбилей русского театра. Ежегодн. имп. театров. Сезон 1899—1900 года, ч. I, стр. 24.

в) идеологическая позиция Волкова;

г) связь «Хора» со всеми прочими частями маскарада, автором которого был Волков.

Итак, окончательный вывод таков: и Сумароков и Волков имеют почти равные шансы на то, чтобы считаться авторами «Хора». Субъективно я склоняюсь к тому, чтобы признать автором Волкова.
